

Вадим
Чиндясов

Мальчик из сундука

Молодой гений-художник живёт в Большом городе. Он пребывает в творческом кризисе, потеряв в одночасье все свои лучшие картины и студию. Внезапно художник узнаёт, что в его сгоревшей студии появился... он сам, да ещё и с ребёнком, если не врут странные фотографии. Срочно выехав туда, он находит лишь истлевшее тело гостя, а мальчика вовсе не находит. В отчаянии он бросается на поиски ребёнка — ведь тот может пролить свет на эту историю.

Получится ли у героя распутать этот клубок загадок, если следы мальчика в конце концов приведут его к страшным открытиям, а дикие находки понемногу разбирают его разум на части? Порадует ли его встреча с этим ребёнком? В этом странном мире один плюс один может равняться и трём, и пяти...

Вадим Чиндясов

Мальчик из сундука

1

Случалось ли вам когда-нибудь сесть с утра пить чай и пропасть в другую жизнь, по сравнению с которой ваш нынешний день — совершенная серость? И провалиться в новое так, чтобы постоянно думалось — да со мной ли это? Мне посчастливилось. Я однажды был приглашён к странному пиру реальности. Жаль, что я не был к этому готов. Я был беззубым для такой пищи. Нет, это сделалось со мной не под влиянием чего-то эдакого. Я совершенно не употребляю спиртного и тем более, наркотиков.

Как обычно, я сидел за своим рабочим столом в конторе. Я ещё запомнил, что в тот день была странная погода, очень странная. У меня иногда бывает, что я словно проваливаюсь куда-то мыслями, стоит мне лишь глубоко и безотчётно задуматься. Я по привычке раздумывал о превратностях погоды и снова выпал из сознания. Старый способ отключиться от непрерывных мыслей, он остался со мной ещё с прежних времён, когда я был художником. Последние пять лет художником себя называл только я сам, внутренне.

За эти годы я порой брался за кисть, но не сумел сделать ни единого мазка на холсте с душой. Множество бездушных мазков я делал, но это было редко и некрасиво. Одним словом, противно. Что-то ушло из моих рук, моих глаз, моей души.

И вот теперь я работал обычным клерком, и никто из сидящих в паре метров от меня даже не подозревал о моём прошлом. Для всех я обычный невзрачный молодой человек, продавец средней руки.

И вот в тот день на меня опять что-то нашло. Я помню, как по экрану расплылись электронные цифры — планы, сделки, контроль исполнения. И я снова пропал, растворился в себе. Обычно я стараюсь держать себя в тонусе, представляю себя роботом, исполнительным и хладнокровным прибором на всё рабочее время. И это помогает проработать ещё один день. Гибкость мыслей и поступков — удел стеснённости ума, в которой я жил.

Я стоял и кормил рыбок в нашем аквариуме. Сухие чешуйки корма тихо падали на воду, и рыбки плескались, высовывая морды наружу. Когда я наконец выпал назад, в наш мир, аквариум был похож на снежное шоу Славы Полунина. Плюнув про себя, я принялся выгребать сачком мокрые

хлопья, но получались не слишком хорошо.

«Пусть другие кормят», — решил я. «Не хватало мне, чтобы они ещё переели и на тот свет отправились».

При моей нынешней работе приходилось ездить в командировки часто и довольно далеко, в разные концы страны. Одно время поездки даже нравились мне. Не то, чтобы очень нравились, но какая-то смена обстановки, перемена пейзажа. Иногда боковым зрением получалось выхватить красоту нового города за окном, но это было всё вскользь. Раньше яркие картины стучались мне, можно сказать, прямо в переносицу, а теперь плыли дымкой мимо, обтекая и никак не зацепляясь. У меня перестало получаться впрыгнуть в самую картину, как я делал когда-то. Со временем меня перестали прельщать и поездки, моё боковое зрение художника тускнело. Я был словно голодный, изнемогающий человек перед горами яств. Человек безо рта. И даже было хорошо, что в командировки я стал ездить только в случае крайней необходимости, не напрашиваясь.

Кто-то мог бы подумать, что я жалуясь. Нет, мне жаловаться не приходилось. Я лишь хочу рассказать одну историю, которая, словно аркан, дотянулась до меня из моей прошлой жизни.

Дотянулась, ухватила прямо за горло и протащила обратно, как я ни упирался.

Из пяти лет в этом городе я помню немного. Странно. Я уже давно заметил, что из-за однообразия уклада стал необычайно рассеянным. Что-то происходило вокруг меня, я машинально оставлял вещи там и тут, потом они находились сами собой, а я отчётливо не помнил, что и как. Потом было трудно восстановить цепочку событий. Виной этому были, наверное, и эти мои провалы в мысли, после которых приходилось долго напрягать мозг, чтобы припомнить последнее своё осмысленное действие.

Важнее всего вспомнить миг, при котором вещь ещё была при мне. Но частенько ничего не получалось, и лишь спустя дни или недели моя вещь возвращалась ко мне. Место её бывало вдруг таким неожиданным, что даже я при своей рассеянности не понимал, как мог её положить туда. Вообще-то, это меня сильно беспокоило, но я всё не мог собраться к врачу. Часто это выглядело чьей-то шуткой. Так бы я и подумал, если бы не жил один. В моей квартире всегда были только я и мой пёс Берт. Словом, не было никого, кто бы мог так весело шутить...

Когда я второй вынырнул из забвения, то

увидел перед собой серый стол, и короткий рой световых мушек летал вслед за зрачками. Когда-то я мог так смотреть долго, пока не начинали слезиться глаза. Но сейчас, пожалуй, не стоило. Рабочее время уже подошло к концу, и пора было отправляться домой.

... Паутина безлистных веток. Весна. Знакомая аллея. Сквозь ветки видно ясное майское раздолье. И даль. Редкая в этом городе даль, когда можно смотреть и не спотыкаться взглядом о дома и машины.

Я привык ездить на работу и домой в метро, потому что машина была сущим неудобством в Большом городе. Целую вечность я не садился за руль своей машины.

Изо дня в день всё повторялось. Вот и сейчас. Вагон. Меня внесло в людскую лаву, быструю в середине потока и замирающую у стен, и я потянулся вниз. Целый час времени впереди. Дыхание толпы сливается, в ухо дышит одно целое гигантское существо.

Утром всё повторится. Невкусный городской воздух на улице будет подгонять меня, заставит сбиваться с ровного шага. Спешка. Плавность начатого утра начинает рваться, а я чувствую, что уже не успеваю занять свое место за рабочим столом вовремя. Впереди маячат три квартала

миров, галактик, азбук, империй и одного рая. Дальше — высота, кабинет и окно с видом на стройку.

А в то странное утро улица просто захлебывалась. Машины стояли везде. Даже казалось, что из подъездов тоже должны вот-вот показаться хромированные морды. На глаза, помню, попался красавец-автомобиль. Я даже почувствовал, как он бесновался, словно хотел растолкать мелкопородистых собратьев, яростно рычал, но полз в потоке. Он злился всеми своими сотнями лошадей под капотом, и, казалось, должен был сейчас вскочить на спины ползущих рядом и затоптать их, чтобы прорваться к широкому жерлу проспекта.

В тысячный раз, лавируя, мимо проехал Фидель — мотоциклист с роскошной бородой кубинского вождя и в фуражке военного кроя, как у самого Фиделя. Даже штучный мотоцикл под ним напоминал о революции и свободе — не хватало только крупнокалиберного вороненого пулемета прямо на руле.

По Фиделю я обычно сверялся, насколько опаздываю. Если великолепный он и я, весь в мыле, появлялись на этой улице одновременно — значит,

порядок, я ещё успеваю. Точность Фиделя была невероятной, он, наверное, просто не видел пробок на улице. Мне казалось, что этот наездник везет на себе время.

Сегодня дело обстояло совсем плохо — Фидель, похоже, въехал на эту улицу около десяти минут назад и сейчас пытался проехать эти три квартала хотя бы на одном колесе. Улица замерла, и быстро перебежать ее можно было только по крышам домов или авто.

И вот тут меня снова погрузило в какую-то вату. Через считанные мгновения меня выбросило назад, на солнце, на природу. Откуда-то из последних сил даже прилетела порция свежего воздуха, устав бороться с углами. В толчее это было трудно почувствовать, но возле сердца у меня щелкнули маленькие щипчики.

Я вздохнул. Проблеск мира исчез за дальней высоткой. На этом было все.

После работы я отправился прогуляться и, пребывая весь в себе, забрёл в другой район города. И что я тут забыл? Возвращаться пришлось на автобусе. Дома я разгребал горы бумажного мусора из почтового ящика, размышляя о своих

странностях. В сотый раз зарекался брать эту бумагу в дом, но мусорить в подъезде мне не хотелось, был не приучен.

Из стопы бестолковых буклетов и газет выпал маленький сложенный листок. Желтоватой птичкой он нырнул под стол. Помню, что мне не хотелось лезть за ним вниз, но я почему-то пересилил себя и подобрал его. Внутри листка была ссылка на какой-то сайт. Надо же, и даже пароль.

— Мало мне мусора, — мой нос против воли сморщился.

В эту минуту я вспомнил о Берте. Да, пришло время вечерней прогулки. Давно уже терпит, бедняга. Я встряхнулся и выбросил комок в мусорную корзину. Жаль пса, раньше он мог гулять целыми днями.

Ночью мне почему-то опять не спалось. Раньше, ещё до переезда в Большой город, я считал ночи самыми счастливыми часами. Свет уличных фонарей превращался в полосы и осколки и отражался на стенах. В душе начинало теплиться, и я обязательно брался за кисть. Да, я писал картины в полумраке! Я называл это «при свете своих глаз и греясь своим дыханием». И мне нравилось то, что получалось. Как будто бы на помощь глазам приходили остальные чувства и разбирали картину

каждое на своём языке.

Здесьняя тьма всегда была холодной и не согревала меня. Но в ту ночь не только в ней было дело. Я долго ворочался, а Берт за спиной всё время поднимал голову при моих движениях. Обычно он крепко спал, и его мало тревожила моя бессонная возня. Вдруг я заметил, что бумажный комочек лежит рядом почти рядом с моей кроватью на полу. Корзину для бумаг опрокинул Берт, когда мы вернулись с прогулки.

От нечего делать я потянулся в темноту и поднял листок. Он был яркий и желтел в темноте ковра. Что это, такой новый вид рекламного мусора — писать от руки адрес в интернете? Хлопотный способ. Но почему-то я снова развернул ничтожную бумажку и зажёл лампу. Я не видел, но знал, что Берт позади в полутьме сейчас лежит огромной плюшевой игрушкой с сонным взглядом.

На листке был только адрес социальной сети и больше ничего. Я терпеть не мог социальные сети, поэтому уже хотел щёлкнуть светом и идти спать. Так уж получилось, что я стал замкнутым человеком за эти годы, и мне было не с кем общаться в сети и в жизни. Меня это даже не тяготило.

Но всё-таки листок сделал своё дело. Спать совсем расхотелось, а любопытство пересилило моё безразличие. Может быть, листок сунули в мой ящик по ошибке?

— Всё равно не усну, — пробормотал я и вылез из-под одеяла в ночную прохладу комнаты. Кресло жалобно скрипнуло. Я спиной чувствовал, как Берт недовольно зажмурился — я включил компьютер, озарив стол, и вышел в сеть,

Адрес вёл на довольно известную страницу, и мне было откровенно лень вписывать многочисленные буквы, но и на полпути останавливаться не хотелось. Я поёжился.

— Не слишком ли много вы хотите, господа из рекламы? — подумалось мне.

Наконец, я покончил с именем и паролем, потом перешёл на искомый адрес. Что же я увидел?

Доводилось ли вам смотреться в зеркало в пустой тёмной комнате и вдруг однажды увидеть позади себя ещё одну фигуру, силуэт? Причём, похожий на вас до неприятной, даже какой-то животной дрожи? Это дорого обходится здоровью. И разуму, который только что скучал во тьме.

Страничка по этому адресу оказалась моей страничкой. У меня, кажется, зашевелились волосы. С неё смотрел я сам, лет на шесть-семь моложе.

Длинные волосы, мой взгляд. Что за дичь?

Чем дольше я глядел на себя, тем глубже впадал в ступор. Я никогда раньше не создавал ничего похожего на эту страничку, у меня никогда не было такой фотографии, и я точно знаю, что не ходил в таком виде или кому-нибудь давал себя сфотографировать в подобной обстановке. И волос таких я уж точно не носил.

На фотографии я или кто-то, как я, стоял в каком-то неважно освещённом здании с высоким потолком. Позади виднелись углы то ли ящиков, то ли деревянных щитов. Что это, стройка, ремонт? Где вообще я находился? Почему не помню ничего из этого? Кто создал эту страницу?

Страница гласила, что хозяина здесь не было пять с половиной лет.

Когда кровь перестала пульсировать в голове, я спохватился — здесь же были и другие фотографии! Но только я протянул руку к мышке, как выскочил флажок — «Новое сообщение». Сегодняшнее! Я, конечно же, скорее принялся читать, и чем дальше я читал послание, тем больше выпадал из реальности. Ночной сумрак вокруг заставлял меня, взрослого человека, поёживаться от непонятного. Темнота может кувыркнуть с ног любое здравомыслие.

Писала женщина. На фотографии было незнакомое, но приятное лицо, имя, которое ровным счётом ничего не говорило. Сообщение было коротким и странным:

— Правда ли, что вас зовут так, как написано на вашей странице?

— Да, меня так зовут, — напечатал я. На странице и вправду стояло моё имя. Почему-то задрожали руки. Может быть, это кто-нибудь из дальних родственников, кого я не знаю. Бывает всякое. Стоит ли так волноваться? Но почему же я не помню, чтобы создавал эту страничку?

Страница выкинула новый флажок. Сообщение! Женщина оказалась в сети.

— И вы родом из этого города? — Она правильно написала название города, откуда родом были мои предки.

— Я родом из другого города, но вот мои родители оттуда. — Остатки ночной дрёмы исчезли, и я вдруг осознал, что бодрствую так, как не бодрствовал и днём.

— А как их звали?

Конечно, эти расспросы неспроста. В наши времена, когда к тебе заходят с визитом на страницу, можно ожидать разных предложений, навязчивых игр, словом, всего чего угодно досаждающего. Иногда и мошенничества. Но тут

было что-то другое. Поэтому я написал и имена.

— Извините, что я так нескромно расспрашиваю вас обо всём. Вас зовут точно так же, как моего брата. И мы родом из тех же мест, что и ваши предки. Он очень на вас похож, насколько я вижу на фотографии. Вам тридцать пять лет? Ему было тридцать, когда он пропал без вести. С тех пор мы ищем его. Он пропал пять лет назад. С тех пор мы ничего не знаем о нём. Вы жили когда-нибудь в городе Мастеров?

— Да, я жил там. — Вот это да! — На Северной улице.

— Он жил в этом городе, только на соседней улице, возле рыночной площади. Это последний адрес, по которому мы его видели.

Я встряхнулся. Обычно я склонен верить людям, но дело явно пахло розыгрышем, причём уж слишком прямолинейным.

— Вы понимаете, конечно, что таких совпадений не может быть? — написал я, чувствуя невнятное раздражение, — для первоапрельских шуточек вроде бы поздновато.

— Да уж какие шутки, человек пропал, — написала она, и мне стало немного стыдно: даже сквозь экран чувствовалась усталость и безнадёжность. — Извините, что потревожила вас.

Мне стало не по себе ещё больше, и я

поспешил, пока она не покинула сеть, забросить сообщение:

— Сами понимаете, совпадения просто фантастические. Вы, кстати, ничего не знаете об этой моей странице? Я не помню, чтобы заводил её, а её адрес и пароль мне кто-то бросил в почтовый ящик. Я зашёл из чистого любопытства. В любом случае, если я что-нибудь узнаю об этом человеке, то сразу же дам вам знать об этом. Вы, пожалуйста, тоже напишите мне, если вам удастся найти брата.

Но она не дождалась и вышла из сети. Похоже, что печатала она быстрее меня, потому что в ту минуту, когда я дописывал последние слова, она бросила мне сообщение о том, что её брат жил и в Большом городе. Что он бывал там по работе и даже полгода жил на Почтовой улице. Больше сообщений не было.

И это тоже было чересчур для совпадения. Я жил именно в Большом городе, и сидел сейчас именно в квартире на Почтовой улице! В своей квартире, которую купил давно, когда ещё приезжал сюда организовывать выставки своих картин.

Помню, что я ещё долго сидел с открытой страницей и соображал, почему вывалил о себе всё, что меня спрашивала эта собеседница из

полумрака. Может быть, потому что поверил ей. А может быть, потому, что ничем особенным не рисковал. Не знаю. На мошенничество это было не похоже.

В память врезалась одна её строчка посреди нашего разговора. Когда я ей написал о себе, она, сорвавшись с нейтрального «вы», она вдруг прислала отчаянную строчку:

— А может, это всё-таки ты?! Это же твоя фотография!

Я не нашёлся, как написать ей побудительнее, поэтому написал так, как понимал:

— Да, фотография, похоже, моя. Но я не знаю, где она сделана. Я так не одевался. И я вас не помню, вот что.

Как я мало понимал тогда!

После переписки я опять долго сидел и смотрел на шатёр бумаг на столе. Смотрел долго, бессознательно. Потом встряхнулся и понял, что с улицы в тёмную комнату светят огни фонарей. Светят призывно, как раньше, пять лет назад. Раньше, до этого города, я очень любил ночные огни...

До утра я молча вглядывался в потолок. Несколько раз вставал и ходил по квартире. Когда я

проходил мимо старого шкафа, то только силой воли заставлял себя не смотреть на его чёрную полку.

Ум мой давно уже устал от ежедневной жвачки конторской жизни и с радостью принялся обдумывать что-то более вкусное. А обдумать было что. Весть пришла, словно из потустороннего мира, настолько это было необычно. Она махнула передо мной своим ночным хвостом и исчезла.

— А что, если съездить туда, по своему старому адресу? Вдруг это правда? — С некоторых пор я начал говорить сам с собой, наполовину обращаясь к своему псу, Берту. За сумасшествие не считается, ведь слушатель вроде есть. Берт всегда внимательно слушал мои пространные речи и даже порой кивал.

Прошло несколько дней. У меня никак не получалось прогнать из головы ночную переписку. Теперь я, наоборот сделался завсегдаем своей странички в сети. Я следил за страницей и сам постоянно её обновлял, едва появлялась свободная минута. Но на странице всё замерло и больше ничего не происходило.

Зато здесь было кое-что, о чём я сначала напрочь забыл. В разделе фотографий я нашёл, пожалуй, самое интересное. Здесь было ещё три

фото, на которых этот самый поразительно похожий мужчина был изображён с ребёнком лет пяти-шести на руках. У меня никогда не было детей, и я даже никогда не был женат.

На других фотографиях мужчина стоял на фоне картин. Похоже, что и он был художником. На этом месте я попытался выжать из фотографий всё: долго присматривался, увеличивал тёмные снимки, чтобы разглядеть их лица получше. Потом я занялся углами, которые попали в кадр. И довольно скоро сообразил, что никакие это не ящики — это картины. Тут во мне разыгралась профессия, и я попытался высмотреть из слабых снимков хотя бы основную мысль и цвета. Словно что-то знакомое промелькнуло в нечётком снимке картины, и меня обдала волна жара. В горле запершило, и я раскашлялся. Кашляя до слёз, я пробежал к чёрному шкафу и открыл его глубокое нутро.

Моя папка лежала на полке, на своём обычном месте, среди книг, которые я не любил. Полка давно уже покрылась пылью, и для меня это было даже хорошо — чем толще слой, тем меньше воспоминаний. Однако сегодня воспоминания пришлось разворошить. Мои руки дрожали, когда я взял папку с полки и открыл её.

В папке лежал большой неровный кусок холста, с траурно-черной бахромой на боку.

Посыпались чёрные снежинки пепла. Я так внимательно смотрел на холст, на котором ещё пестрело несколько цветных пятен и потёков, что даже не сразу узнал свои бывшие картины. На пару минут я уставился в потолок, и вспоминал, вспоминал. Пришлось взять лупу, и я впился взглядом в фотографии на экране.

— Невероятно! Это же мои картины.

Ребёнок был немного похож на отца. А, значит, и на меня. Кто же эти люди?! В моём сердце ничего не пошевелилось, когда я смотрел на мальчика. От своих картин у меня когда-то раньше беспокойно билось сердце, а на эти я смотрел спокойно. Спокойно, насколько это было вообще возможно. Фотографии я сохранил у себя в компьютере. Так будет вернее. Я до сих пор то ли боялся, что всё возьмёт и исчезнет, то ли надеялся на это.

Если это розыгрыш, то он, пожалуй, заходит слишком далеко. А если это галлюцинация, что, несомненно, хуже для меня? Нереальность происходящего была выше всяких пределов. Собеседница больше не появлялась, как я ни караулил её. Моё последнее сообщение так и висело неотправленным.

Кто же, в конце концов, прислал листок с адресом? Пожалуй, это был самый главный вопрос.

А самое главное — я узнал место, в котором была сделана фотография. В это как раз и было труднее всего поверить. Это была моя многострадальная студия в городе Мастеров, где я когда-то жил и писал картины. Моя мастерская, благословенная дом-рыбина с огромными рёбрами сводов. Неспроста углы оказались картинами на стенах. На фотографии пробивался вечерний свет из моих больших окон. Всё на фото было моим и пока ещё целым.

Время в этом городе накладывало на мою распахнутую боль новую повязку, а озлобленная память сбрасывала ее. Но у времени всегда больше ткани. Прошёл год, потом другой. И всё. Бесстрастные заплатки новой жизни простого обывателя хорошо прижились на ранах и притупили мою боль. Ещё пару дней назад я придерживался этого тезиса в жизни. И вот он летит навзничь из-за чьей-то шутки?

Над городом второй день кружили непонятные тени. Было пасмурно, и в сером городском небе их было трудно увидеть. Я всё присматривался к ним, но они уходили в туман. Наверное, птицы. Но уж слишком высоко. Тут же представилось, как в высоте режут осенние потоки хищные и стремительные крылья.

Вот бы и мне так. И против воли в голове зачиркали вдоль и поперёк мысли. Даже какая-то приятная дрожь пробежала вдоль спины и заставила поёжиться. Удивительно знакомое чувство. Сейчас бы лететь за рулём большой мордастой машины с кузовом-балконом и верным Бертом рядом. Парить на длинных солнечных разъездах по гладким серым языкам дорог. Сухие просторные степи, умытые поля и поднятые дыбом волосы-небоскребы на шишковатой коже земли. Кора бетона на теплой спине полей. Полуночные светлячки-мотели и дикий звездопад громадин-городов...

Я отпрянул от края дороги, по которой проносились машины. Слишком близко подошёл. Я стал тяжёл на подъём за эти прошедшие пять лет. Но теперь, когда я глядел поверх машин на улицу, безучастность пошатнулась. Молоденькая поросль весны и дикая тайна отвесили ей крепкий удар. Меня ни с того, ни с сего начала подтачивать злость. Непонятное раздражало меня всегда. Только раньше это выливалось энергией на холсты, и картина получалась яркой, агрессивной... А сейчас дрожала гневом злая лень, которая обычно беснуется в предчувствии большой работы впереди. Я уже и забыл, что такое — держать кисти в руках по-настоящему. Так, чтобы бросить весь мир на сутки, вторые, неделю...

Да, всё нужно было начинать сначала, снова искать это беспокойство, родство с картиной. Работать над собой, пока окружающие куски жизни не начнут исчезать, как мед в горячей воде; пока чужие звуки и цвета не утонут в вате, а холст вдруг не станет единственным прямым окном в мир. А когда счастливая пустота вновь вернет тебя в пыль настоящего дня, то всё вокруг холста вспенится, вынырнет обратно из небытия. Окно снова подернется пылью, которую вдохновение каждый день протирает трудовой рукой.

Тяжело! Как же тяжело будет разбудить всё это! Но ведь когда-то я этим жил! И почему-то эти мысли всё время возвращаются, как бы далеко я их не гнал.

Меня отныне не отпускала затея съездить в город Мастеров, хотя я и зарекался когда-то. Но вдруг я наткнулся там на этого, как две капли похожего на меня, мужчину? Как ни была удивительна была вся эта история, я спокойно принимал факт, что тот, другой человек тоже был живописцем. Город Мастеров был настоящей кузницей, из которой нет-нет да и выходили в мир таланты. И неспроста — художественные школы и училища были там одними из лучших в стране.

Ехать было боязно, несмотря на любопытство.

Ведь там остался стоять мой дом и мастерская. С ними у меня были связаны все мои радости и самое чёрное горе, из-за которого я бросил всё и уехал оттуда, надеясь, что навсегда.

И вот я сидел у своего дома и думал нарушить свой зарок и ехать. Работу после странной ночи я проспал и теперь придумывал, что буду рассказывать. Мне нужно было сменить цифры на цвета хотя бы на несколько дней.

И разве кто-то мог не поехать туда на моём месте?

2

Стеди сидел на каменном крыльце перед домом, который назывался пансионат, и вслушивался. Он часто так делал, когда хотел выделить из звуков вокруг самые основные. Обнимал железные перила и ждал. Ему всё время думалось, что это можно сделать, ведь папа рассказывал, что шум — это клубок звуков. А вдруг ему удастся потянуть за хвост клубка и услышать что-то главное, основное?

Он мог выслушивать ручей, шум ветра в ветвях и птиц часами. И он ни капли не уставал. В конце концов, звуки начинали заостряться и появлялись голоса. Стеди научился узнавать по

голосу всё вокруг.

Люди вокруг считали его недалёким, даже отсталым. Наверное, они были правы, ведь он всё время был словно запертый ящик, в который не получалось ни вложить, ни изъять. Но они не знали Стеди. Те, кто его знал, никогда не сказали бы так об этом каменном мальчике.

К тому же Стеди иногда приоткрывал крышку своего уединения, нечасто и осторожно, когда никого поблизости не было. Вдали гудели машины, иногда в небе показывались самолёты. Стеди был очень наблюдательным, и слышал, как за эти годы изменились звуки машин — постепенно, день за днём. Никто этого не слышал, а он слышал. Даже растущие с годами деревья меняли свой шум с возрастом.

Из сотен шипящих, глухих или пронзительных звуков внимательный мальчик улавливал обычно один — самый главный и точный. И останавливался на нём.

Летели часы, и Стеди сидел неподвижно, глядя в пространство и вслушиваясь. Люди вокруг не знали, куда. А он не объяснял им. Он жил в этом месте уже больше пяти лет, и сам не знал, что он здесь делает. Неотчётливо он помнил, как его привезла полиция. Это было так давно... Но отчего с ним всё это время рядом не было папы, он не знал.

Тогда ему было всего шесть лет, и доктор Агрени, казалось, был значительно моложе. Во всяком случае, за эти пять лет он заметно поседел и стал как-то суше. Со Стеди энергичный доктор был по-прежнему приветлив, но, кажется, никак не мог найти общего языка, как ни бился. «Наверное, он устал и просто отступился и решил мне не мешать», — думалось Стеди. Агрени предоставил мальчику свободу жить своей жизнью. Верных средств лечения для таких детей не существовало, как не существовало и стопроцентной психотерапии. Мальчик просто ни с кем не разговаривал. Доктор пытался пробиться к нему годами. Но ответов от Стеди он не получал. Вообще. Вечно отсутствующему мальчику давным-давно, ещё до пансионата поставили диагноз аутизм, и год от года диагноз обрастал другими, ещё менее приятными подробностями.

Шли годы, и Стеди — «ребёнок в сундуке» — никак себя не проявлял. Он с понимающим видом вслушивался в себя. Откуда было знать другим, что находилось там? Правда, одно занятие, которому мальчик предавался с видимым удовольствием, всё же было — рисование. Мальчик убеждался, что никого вокруг нет, и принимался за карандаши. Доктор Агрени постоянно снабжал его бумагой и карандашами, а потом и красками. Казалось бы,

обычайшее занятие для ребёнка, но для Стеди оно было так важно, что он начинал беспокоиться и нетерпеливо искать, на чём бы нарисовать, если не находил бумаги. Однажды он нарисовал на крашеной стене своей комнаты какие-то рисунки, а потом попытался забрать свой рисунок вместе с поверхностью. Стена была вся изодрана, но доктору Агрени удалось разглядеть расцарапанные фигурки на стене. Каллиграфия рисунка его поразила.

Доктор думал недолго. Пока мальчика вывели на прогулку успокоиться, он сфотографировал рисунок, после чего велел закрасить стену. Одну фотографию отдали мальчику. Стеди внимательно осмотрел снимок, стену и, кажется, успокоился.

С тех пор бумага и краски с карандашами у Стеди были всегда.

В сундуке было двойное дно, так сказал бы Стеди, если бы его спросили об этом. Под дно сундука можно было нырять, что он и делал. Бывало, что он отсутствовал целыми днями. Опасаться здесь было нечего, ведь крышка сундука была надёжной — сам Стеди, его тело. Это и было его самое безопасное место, дом, в который никто не мог добраться снаружи.

У Стеди была главная тайна. У него были настоящие друзья — его секретные друзья из

сундука, которые прятались тут вместе с ним. Они появились давно. Первый гостил у него с самого раннего детства и поселился навсегда с той самой минуты, как Стеди потерял своего папу. Другие пришли в его уютный сундук позже.

Всех прочих людей за пределами своего мирка мальчик не особенно хотел постичь, да это и не получалось. Не то, чтобы он боялся докторов, медсестёр или кого-либо ещё. Но он не доверял им открывать крышку. Вместе с мальчишками они так и называли это — открыть крышку. Сколько Стеди себя помнил, крышка была закрыта всегда. Он много раз пытался её открыть на всю ширину. Это было довольно давно, в детстве. С ним был его большой и надёжный человек. «Как его зовут?» — часто спрашивал себя мальчик. И отвечал себе: «Папа, запомни, папа! Так его зовут». Стеди каждый день старался, чтобы это имя не выплыло у него из памяти. Тогда крышка была лёгкой и податливой. Папа умел доставать Стеди из сундука.

Но папа давно уже не приходил к сундуку. Он не открывал его сильной рукой, как когда-то в их доме. Дом, самое безопасное место на свете. Пожалуй, там можно было бы покинуть сундук. И Стеди всё время ждал, когда это время настанет.

В первый год его жизни здесь произошёл случай, который чуть не заставил мальчика

покинуть свой сундук. Был обычный день, когда Стеди сидел на крыльце клиники, между железных прутьев, обхватив их ногами и руками. Рядом за оградой веселились окрестные мальчишки, человек семь. Они гонялись друг за другом по лужайке, неподалёку от Стеди. Это было так ново, так интересно, что ему вдруг захотелось к ним. Сам не ожидая от себя, он откинул крышку и побежал к ним. Краем глаза он видел, как напряглись лица медсестёр, которые водили больных по аллеям. Но сейчас ему уже было всё равно.

Мальчик подбежал к забору. Его глаза горели, как потом вспоминала одна медсестра. Он подпрыгнул и ухватился за прутья забора. Но ограда для него была слишком высока. И тогда он заплакал. Впервые в жизни его голос услышали обитатели больницы. Открытые ворота были в пяти метрах левее, но он их, казалось, не замечал.

Дети с улицы увидели переполох за забором и перестали играть. Они слышали, как странный мальчик закричал, словно звал их. И от этого им сделалось как-то не по себе. Прибежали медсёстры и стали стаскивать Стеди с забора.

Всё это было очень тяжело, детям даже стало жаль Стеди. Но пока подошёл доктор, пока он понял, в чём дело и открыл шире и так открытые ворота для странного мальчика, дети уже расхотели играть и теперь просто сбились в кучку среди

деревьев и смотрели. Мальчика подвели за руки к воротам, но он стоял, словно не в силах сдвинуться с места.

Окрестные мальчишки давно знали этого странного ребёнка, и даже поначалу дразнили его, пока не поняли, что из этой затеи ничего не выйдет. Он смотрел куда-то сквозь них и был похож на живой камень. Иногда по его лицу что-то можно было заметить, но чаще он сидел и безучастно смотрел вдаль.

Доктор понял, что ребёнок не в силах перешагнуть порога больницы. Однако он увидел, что Стеди спокойно лезет на забор рядом с воротами, который был в три его роста, хотя точно не сможет перелезть. Несколько раз потом он подводил маленького затворника к воротам, но тот поспешно отступал, когда до открытых створок оставались считанные шаги.

Доктору Агрени и не могло прийти в голову, что в тот самый день Стеди обзавёлся новыми друзьями. Мальчик отчётливо помнил, как полез на кованый забор, но что после этого произошло, для него утонуло в тумане. И доктору в тот день показалось, что мальчик ещё больше ушёл в себя и вынуть его сознание на поверхность будет очень не просто. Однако для Стеди это был замечательный день. Двое мальчиков с улицы вдруг оказались

рядом с ним, в его тайном сундуке. Сначала они приходили к нему не каждый день, потом ежедневно. Наконец, они остались с ним. Они были дружелюбно настроены к нему, а самое главное — они знали о Стеди всё, как будто дружили с ним давно. И мальчик почувствовал себя счастливым. Ведь теперь их всех вместе стало четверо. Можно жить. Правда, они не рассказывали ему, где скрывались раньше. Но это было неважно.

Второе дно сундука часто манило Стеди к себе. Под его тёмную гладкость можно было уйти надолго. И мальчик часто развлекался этим. Он рисовал себе в уме разные истории, в которых забирался высоко в горы или скакал на коне. Он путешествовал, играл, фантазировал, потому что не мог сделать этого по-настоящему. Но он был счастлив. Хотя со стороны казалось, что он по-прежнему неподвижен и его ничто не интересует, Стеди каждый день двигался вперёд. Его заносило порой в такие миры, что он часто задерживался в своих мечтах и подолгу не покидал их.

Порой он увлекался настолько, что наступало что-то невообразимое. На него обрушивалась нереальность. Предметы вдруг приобретали такие резкие очертания, словно их только что выточили на станке. Даже мягкие вещи вдруг становились остро-гранёными. Воздух тоже набирал резкости и

остро свистел, как от ударов клинка. Краски, вкусы, запахи и ощущения приходили в такое трение с его чувствами, что ему делалось больно через некоторое время. Порой он сам не мог выйти из полного приключений мира, который создал, и попросить помощи было не у кого, кроме своих друзей. Всё это происходило в нескольких метрах от докторского кабинета. Снаружи мальчика было невозможно разгадать.

Что начинало твориться вслед за этими приключениями, Стеди никогда не мог запомнить. Его истомлённую голову накрывало мягким и тяжёлым, и это всегда было очень кстати. Он быстро уставал от острых звуков и сдавался непонятной силе. Кованный металл сундука обволакивал его, когда уже не было сил и болела голова.

Когда он приходил в себя, то чувствовал себя отдохнувшим. Куда-то исчезал постоянный страх за свою жизнь — вечный его спутник. От него-то мальчик и прятался под вторым дном — сундука было явно не достаточно.

Тихая жизнь на больничной кровати могла бы продолжаться долго, но однажды Стеди исчез.

Я решился. Без сожалений бросил всё своё отчаянное существование и поехал в город Мастеров разобраться. В те странные дни я был даже рад, что не могу сходу вспомнить, сколько дней мы с Бертом уже не в Большом городе. Я нарочно не сел на поезд, а взял наш пикап. Боже мой, какое же это удовольствие — простор! Это значило — каменная пятерня Большого города отпустила нас.

А дорога ворожила перед нами...

Глаза недоверчиво смотрят на простор до горизонта — они не привыкли так жить! Ярко-красный цвет заливает зрачки. Полуденное солнце безоблачности. Оно так резко выхватило алую краску из встречного автомобиля и бросило прямо в мои глаза, что этот удар цвета даже внутри мозга судорожно всколыхнул что-то — просыпайся!

Я вздрогнул, уставился вдаль и размышлял дальше. Следующая машина. Теперь холодно-белоснежный всплеск. В жизни я не помнил такого пробуждения, такого бешеного цвета! Сухие и вялые будни так жадны на подарки... Я припоминал. Конечно же, это растёт из моего детства. Да, это и есть живой кусочек моего детства. Я дождался — воскресают запахи души. Ведь я знал их когда-то, это точно, я даже

писал их! Они роились вокруг — непонятные слепки в воздухе, и их не чувствовал нос.

Но они точно есть — эти запахи. И как раньше, надо просто идти на них. И ты видишь: за безупречным фасадом — гнилозубый запах несвежей души. Серый, как мешок грубой муки. Или наоборот, неукротимый колокольчиковый невинный запах детства. Неужели когда-то я мог видеть мир так остро?

Мы уехали с псом ровно в полдень — заперли на замок свои каменные углы и пыльное напряжение Большого города. Быстрый прыжок в автомобиль, и вот мы уже вырываемся к краям гигантской чаши, в которой плещется водоворот живых миллионов. Обычно эта воронка поглощала, закручивала и втягивала в себя, но нас она отбросила на край. Человек и пес, мы вдвоём ясно чувствовали дыхание города в спину. Оно было тревожно и вопросительно. Я и сам не знал, когда вернусь и зачем вообще еду.

Тревога о том, что ждёт меня дальше, заставляла разжиматься пальцы на руле и покрывала испариной лоб... Успокаивало только одно — впереди нас ждёт старый дом. Мой дом. И само собой пришло умиротворение. Потом удовольствие широкой дороги. Будь что будет.

Время отсчитало конец пути, и вот уже наш старый городок выглянул из-за густых деревьев. Набежала пелена облаков, и солнце ослепло. На мостовую сразу же легли тени, и она из гладкого белого ковра превратилась в рябые обломки. Я, наконец, остановился. Дальше придется идти пешком. Машине и так уже досталось, когда мы вползали на здешний проселок. С дорогами здесь всё было как раньше. Этот город всегда дружелюбнее был настроен к пешему, чем к конному.

Наш последний перегон перед городом Мастеров получился самым долгим. Я решил покрыть за день большее расстояние и долго не покидал руля. Поэтому, когда мы выходили из машины, моё тело совсем затекло, а спина похрустывала. Я, оказывается, совсем отвык ездить за рулём — необычайная усталость влилась в плечи, и руки не находили удобного положения от нытья мышц.

Город Мастеров всегда был слегка странным поселением. Так уж повелось, что он был населён творческими людьми, как куст воробьями. Оттого, наверное, дома здесь мечтали вместе с хозяевами. Их словно рассыпала по долине неумелая детская рука, как наскучившие кубики. Жизнь здесь была такой же неровной, как и улицы, но этим она мне и

нравилась когда-то. Людские жизни тут не подчинялись строгим укладам и текли вдоль и поперек; в каждом квартале направление внезапно менял шальной ветер.

Обитель художников. Здесь все жили и предвкушали. Себялюбивые мечты не оставляли места остальному. И вроде бы есть у тебя мечта, и ты ее добился, но это ровно до первого порыва ветра. Одни продолжают гнать ее, хватают за гриву, а другие стоят и ждут ее обратно, ласково подманивают своё будущее. И она возвращается со следующим ветром, из другой подворотни и такая незнакомая...

Любопытство моё не унималось, но к нему примешивалось недоброе беспокойство. Что найду я здесь, по своему старому адресу? И как бы мне хотелось, чтобы вот сейчас, каким-то чудом, я войду в зелень садика, а дом будет невредим. А главное — будет целой моя мастерская и картины. Бывают же чудеса, почему не сейчас, когда всё так закрутилось?

Наш город мастеров-мечтателей был всё ещё славен и по-прежнему неряшливо красив. Первые его жители в погоне за мечтой уже ушли далеко вперед по дороге. Так уж случилось, что город подарил им мечту о дальней жизни и прогнал от себя. Одни осели вскоре, за ближними и дальними

перевалами. Кое-кто из них, напротив, потерял последние якоря и стал охотником за свежей целью. Эти охотники мчались за мечтой на острие своих пуль, опережали их, вгрызались в свои мечты, рубили им головы. Но насытиться добычей не могли и терзали ее до изнеможения, пока она не становилась блеклой облезлой тряпкой. И нужно было бежать, выслеживать новую цель... Не так уж и счастливы были некоторые мечтатели. Мне довелось повидать многих из этого племени. Гениальные несчастливцы. Жизнь словно в насмешку наделяла их талантами, но замыливала их глаза. Тьфу, это же теперь и я такой...

Конечно, я ещё издали увидел свой дом, но мне стало не по себе. Вроде бы и спешил сюда, но последние метры начинали скрести по душе, и шаг сам собой замедлился.

Картина была безрадостной. Моё старое каменное убежище ещё сильнее потемнело от непогод, а деревья почти полностью спрятали окна от людей. Весь этот ворох напоминал зелёную пещеру из листьев. Похоже, что в доме никто не жил, и за ним никто не ухаживал.

Больше оттягивать время было нельзя. Не за этим же я приехал в такую даль, в своё осыпавшееся прошлое.

Я уже и забыл, как когда-то здесь было уютно.

Моё пристанище, моя мастерская. Мои окна. Когда-то окна наверху были открыты солнцу, и деревья ещё не доросли до ставень. А сейчас тут не осталось ни одной солнечной полянки.

Я втянул воздух носом, и едва ощутимая гарь прошла внутри. Не знаю, наверное, это было самовнушение, за пять лет, конечно, всё развеялось. С туманными мыслями я вошёл в свой садик. О чём думал — сейчас не помню. В голове словно всё залегло на дно. Я снова забывался и выныривал в действительность.

В садике была почти такая же разруха, как и в тот злополучный день моего отъезда. Только травы теперь выросли по пояс, и каменная дорожка утонула где-то среди них. Дом стоял, тихий и безжизненный. А когда-то от ветра скрипела крыша, — подумалось мне. Она умела убаюкивать, как в детстве...

В глубине садика утопала в зарослях огромная туша с обнажёнными рёбрами. Это была моя студия. Моя огромная рыба с глазами-окнами. Она завалилась почти полностью, и её могучие стальные стропила торчали рёбрами. Плоть с них когда-то безжалостно слизал огонь. Всё это по-прежнему было больно.

Но в воздухе была ещё какая-то напряжённость. Недобрая напряжённость. И мне никак не удавалось понять её. Трава шумела в тени, и раньше это дарило мне невыразимый покой. А теперь ничего не получалось. Чтобы прекратить это наваждение разом, я вошёл в свой старый дом. Старое прошло, а прошлое старо. Так отчего же дрожат руки?

Я отпер висячий замок. Он так долго висел неподвижно, что протопил на деревянной поверхности свой ржавый силуэт. Позеленевшая дверь ухнула, когда её втолкнул внутрь свежий ветер.

4

Иногда Стеди припоминал, что его звали по-другому, но как, он не смог бы сказать. Когда забываешь даже имя, о чём можно говорить с посторонними людьми?

Он носил друзей в себе, и они отвечали ему дружбой. Всем вместе им не было скучно. Они называли себя Молчунами. Из-за Стеди, конечно.

Однажды, ещё в первый год в пансионате, когда Стеди по обыкновению выслушивал и выглядывал из своего сундука, Весельчак — их главный заводила и самый старший из компании — заглянул к нему и сказал:

— Стеди, дружище, тут у Фантазёра есть важное дело. Ему нужно сходить к маме, поговорить с ней. Она уже не надеется его увидеть. Мне за него нужно сказать ей, что он жив, что с ним всё хорошо.

— Конечно, иди. А с вами можно?

— Обязательно. Без тебя никак. Скажу его маме, что за него теперь переживать не надо. Когда-нибудь он сможет вернуться домой. Я и письмо ей написал. Он же у нас ни писать, ни разговаривать не умеет. Мы с тобой его выручим.

— Хорошо. А если сундук кто-нибудь займёт, пока меня нет?

— Не займут, Рисовальщик посмотрит. Отдадим ей письмо — и назад.

И Стеди отправился в гости к маме Фантазёра, мальчика с улицы, которого когда-то выбрал в друзья, вися на заборе.

Через пару дней почтальон заметил что-то странное в доме на углу, куда носил газеты. Обычно, газеты хозяйка забирала каждый день, а когда уезжала, то он знал об этом. Сейчас же в ящике лежали вчерашние газеты, и новую почту было никак нельзя втиснуть. После того, как недавно женщина похоронила единственного сына тринадцати лет, почтальон старался заходить каждый день и проверять, как у неё дела.

Женщина была безутешна и явно не могла прийти в себя, поэтому к ней навещался доктор примерно раз в неделю. Но она медленно таяла и всё меньше разговаривала с гостями, пока однажды не впала в оцепенение. А это было хуже, чем самые горестные рыдания, говорил доктор. По его лицу было видно, что он не может победить в ней эту депрессию. В общем, было понятно, что это может закончиться скверно.

Почтальон решил заглянуть на крыльцо дома. Он силился рассмотреть за занавеской холл, но ничего не мог увидеть. На стук тоже никто не отозвался, и он, пожав плечами, собрался было уходить. Но тут в глубине дома раздались рыдания и какие-то стоны. Тогда он крикнул, что идёт на помощь и вбежал в дом.

После смерти своего мальчика хозяйка никуда старалась не выходить и чаще всего видела лишь доктора и почтальона, но в таком состоянии почтальон не видел её даже в день похорон.

В доме стоял обычный здесь запах лекарств. Беспорядок вещей повсюду здесь тоже стал обычным, как у хозяина, который отчаялся увидеть ещё что-то светлое в жизни. Но не это было главное.

Хозяйка сидела поодаль и смотрела в стену, сжимая в руках какую-то бумажку. Её лицо было

белым, как будто она только что встретилась со своим ужасом. Однако, временами на её лице проскальзывала тень улыбки.

Почтальон окликнул её. Но она даже не повернула головы. И тут она издала стон, который так напугал почтальона на крыльце. Это был странно-рыдающий стон человека, который, кажется, сошёл с ума.

Мужчина потряс её за плечо, но она никак не отозвалась и даже не перевела взгляда со стены, увешанной детскими фотографиями. Почтальон быстрым шагом отправился в кухню. Там был телефон.

Женщину отправили в больницу. Соседи сочувственно смотрели вслед медицинской машине. Между тем, в городке прошелестели первые разговоры. Кое-кому удалось прочитать слова из листка, с которым женщина никак не хотела расставаться. По утрам горожане рассказывали друг другу о том, что вдове — ни больше, ни меньше — пришла весть от умершего сына. Она вышла с утра за газетами и нашла в ящике письмо от сына, написанное его рукой. Это было так невероятно, что случай сочли пустой выдумкой. Были и те, кто считал это бессердечной выходкой, за которую неплохо бы как следует побить шутника. Скорее всего, вдова от горя и

сошла с ума. Сын женщины ничего уже не мог ей написать.

— Знаешь, Стеди, — сказал как-то Весельчак после их первого похода, — мама Фантазёра уже рядом, в больнице по соседству с пансионатом. Спасибо тебе за то, что ты с нами ходил. Было очень тяжело видеть, как она по нему горюет.

Стеди ни разу не видел, чтобы Весельчак плакал. Но сейчас это было понятно.

Весельчак проглотил слёзы и продолжал:

— Вот ведь задачка у меня — и смеяться, и плакать за вас всех на людях! Ну, да ладно. Когда её выводят прогуляться и посидеть в кресле, я могу видеть её с нашего места. Это лучше, чем Фантазёру больше не увидеть её. Но теперь мне нужно, чтобы ты опять был со мной. Поможешь? Покажем Фантазёру маму.

Они лежали под вторым дном и тихо разговаривали, чтобы медсестра не услышала.

— Конечно, могу! — Стеди давно уже знал, что друга гнетёт эта история, и всё ждал, когда тот расскажет, наконец. Фантазёр был бессловесным мечтательным мальчиком, и страдал в одиночку, поэтому Весельчак всё брал на себя.

Весельчак помолчал.

— Даже не знаю, как сказать. Его мама осталась совсем одна, а я всё никак не мог ей

сказать, что он жив. Доктор наблюдает за нами. Я удивляюсь, как в этот раз удалось незаметно выбраться отсюда и вернуться.

Без папы и сына ей совсем не будет жизни. Она сходила с ума, понимаешь? И сошла бы всё равно, в одиночестве, дома. А может быть, ещё чего похуже. А здесь мы сможем передавать ей свои весточки. Ты мог бы их потихоньку передавать ей, а, Стеди?

— Передам, обязательно передам.

Следующие недели они тихонько бегали в больницу по соседству. Стеди нёс письмо от сына матери. Иногда откуда-то из сундука просил его едва слышно Весельчак:

— Стеди, можно ему немного поговорить с мамой?

И Стеди послушно уступал.

Со стороны это выглядело странно. Незнакомый мальчик снаружи стоял и высматривал маму, которая сидела поодаль и безучастно смотрела в забор. Вначале ничего не происходило, однако в какой-то миг женщина дёргалась и начинала озираться. Увидев мальчика, она стала всматриваться в его лицо сквозь прутья ворот. Она склоняла голову и так, и этак, словно большая птица. Её глаза неотрывно смотрели на сына. Она не видела Стеди, она видела своего мальчика.